

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосв. Саввы [Тихомирова], архиеп. Тверского [и Кашинского] († 13 октября 1896 г.): Том 1. (1819–1850 гг.) Годы: 1841–1842] // Богословский вестник 1897. Т. 2. № 6. С. 161–192 (3-я пагин.). (Продолжение.)

— 161 —

поводу недостатка кандидатовъ на священническія мѣста. 1841 г. Въ одно время съ Добровольскимъ отправлены были туда, по распоряженію начальства, еще девять человекъ нашихъ товарищей, въ томъ числѣ мой ближайшій землякъ, уроженецъ села Дунилова, Василій Былинскій

Съ мая мѣсяца 1841 года началась и около тридцати лѣтъ непрерывно продолжалась наша взаимная переписка съ ближайшимъ изъ моихъ друзей и совоспитанниковъ по семинаріи, Михаиломъ Дмитріевичемъ Граменицкимъ, о которомъ не задолго предъ симъ была у меня рѣчь. Вотъ что онъ писалъ мнѣ на первый разъ отъ 20-го мая:

„Искренній, незабвенный другъ, — другъ вѣрный въ дружествѣ Иванъ Михайловичъ!

Да сохранить васъ Господь Богъ на многія лѣта и да исполнить ваши желанія и намѣренія (ибо не можетъ быть, чтобы вы въ настоящемъ состояніи чего-либо не желали особеннаго, — по крайней мѣрѣ я такъ думаю). Давно, другъ, очень давно не было между нами не только личнаго свиданія, но даже и письменной переписки. Наше намѣреніе было не таково. Помните-ли, во время многократныхъ прогулокъ по бурсацкому саду, — во время бездѣйственнаго (хотя не всегда) сидѣнія въ классѣ, — помните-ли наши взаимныя обѣщанія не прерывать дружества, не лишать другъ друга увѣдомленій о себѣ? Теперь дѣлается иначе. Прошу я у васъ съ своей стороны великодушнѣйшаго извиненія въ молчаніи, — по нѣсколько и оправдываюсь: во-первыхъ, не знаю мѣста вашего настоящаго пребыванія; во-вторыхъ, если бы и зналъ, нѣтъ случая переслать письма: ибо неизвѣстно есть-ли до васъ почта, — и теперь посылаю на авось, съ вѣрою и надеждою на друзей, — въ третьихъ, наконецъ, откроюсь по дружески, чистосердечно, обязавшись женою, домою и другими куплями житейскими, не всегда бываешь свободенъ во время открывавшагося случая какимъ-нибудь образомъ переслать къ вамъ письмо. (Это послѣ объясню). Вы вѣрно обо мнѣ думали и думаете, что съ переменною образа жизни, я измѣнился и въ дружественныхъ чувствахъ. Нѣтъ, другъ, — пусть явился у меня новый другъ — жена; но не думайте, чтобы чувства любви и дружества къ вамъ погасли въ моемъ сердцѣ.

Что-же сказать вамъ о себѣ? Такъ, я женился! Сколько

1841 г. у насъ было прежде дружественныхъ мечтаній, сколько ожиданій, сколько питательныхъ надеждъ, — вы это помните, и теперь ими питаетесь; — но я....

Великая, другъ, тайна — супружество, — теперь-то я вполне понялъ слова Св. Писанія, какимъ образомъ человекъ, оставивши отца и мать, прилѣпляется къ женѣ своей, — и какъ нельзя разлучить человекъ то, что сочеталъ Богъ. Въ свое время и вы узнаете и повѣрите. Благодарю Бога, за дарованіе мнѣ Ангела въ жизни, — добрую помощницу и собесѣдницу. Вы мнѣ были и есть искреннѣйшимъ, — вѣрнѣйшимъ и всегда любезнѣйшимъ другомъ; — много мы вѣрили другъ другу завѣтныхъ тайнъ, — но, другъ, простите, скажу откровенно, — все-таки не было такой свободы въ обращеніи, такой искренней признательности — такой довѣренности, какая можетъ быть у мужа съ женою. Не вѣрю, и вы не представляйте, что любовь къ женѣ заключается въ одной нечистой похоти. Итъ другъ, — она мила потому, — что сердобольная сострадательница, благая совѣтовательница, откровенная вѣрительница своихъ мыслей и намѣреній, — по крайней мѣрѣ я такъ чувствую....

Я думалъ прежде, что по выходѣ на мѣсто, — постоянно я буду празденъ. Напротивъ, теперь-то и начались заботы, — но уже не такого рода, какъ въ семинаріи, — не проповѣдь, не разсужденіе, не лекція, не экзаменъ, — жена, домъ и должность постоянно заставляютъ заботиться, а чрезъ годокъ можетъ быть еще заботка.... не стану объяснять въ частности заботу о каждомъ предметѣ, — скажу только, назначена была мнѣ проповѣдь въ день Пятидесятницы, назначена за четыре мѣсяца, я не нашелъ свободнаго времени сочинить ее, пригнать къ послѣднему вечеру, — можете изъ этого судить о праздномъ времени. Послѣ Пасхи былъ въ Москвѣ, посмотрѣлъ на бѣлокаменную. Много любопытнаго, поразительнаго, особенно въ соборахъ...

Сильно желаю знать о вашемъ здравіи, о вашихъ намѣреніяхъ и о настоящемъ положеніи. Милый другъ, часто мы мечтаемъ касательно будущаго устроенія судьбы своей, — часто ошибаемся въ своихъ предположеніяхъ. Какъ искреннему и любезнѣйшему другу желаю вамъ счастья и успѣха въ вашихъ намѣреніяхъ, — желаю, чтобы Богъ вполне исполнилъ, если вы чего желаете. Но желая, вмѣстѣ прошу васъ

самихъ быть откровенными во всякомъ случаѣ, — не довѣрять всякому слуху, надобно вѣрнѣе узнать самимъ о приходѣ и проч. Нашъ Абакумовскій приходъ, какъ я нахожу, отчасти не соотвѣтствуетъ своей славѣ. По крайней мѣрѣ, я благодарю Бога за добрую помощницу, вѣрнаго въ жизни друга, участницу во всѣхъ мысляхъ и намѣреніяхъ.

Въ ожиданіи отъ васъ отвѣта касательно вашихъ плановъ для образа жизни и прочаго остаюсь чистосердечно, постоянно любящей и желающей любить васъ другъ и доброжелатель вашъ с. А. Богомолецъ М. Граменицкій.

Прошу извиненія, что несвязно, нерадиво написано, — ожидаютъ съ иконами мужики въ приходъ. Прошу еще не злоупотребить моею откровенностію. Супруга моя вамъ кланяется. Незабвенный, прощайте!“

Что я писалъ въ отвѣтъ своему другу, не помню. У меня, къ сожалѣнію, не сохранилось черновыхъ писемъ, да по всей вѣроятности, ихъ не было.

Въ слѣдъ за тѣмъ, получилъ я письмо отъ другаго товарища своего и также совоспитанника по бурсѣ, Θεодора Гаврилыча Бѣляева. Отъ 7-го іюня онъ извѣщалъ меня изъ Владиміра:

„Здравствуйте,

Любезнѣйшій Иванъ Михайловичъ!

Вѣрно хорошо жить вамъ на настоящемъ мѣстѣ. Такъ много протекло времени — и вы не только не являетесь сами въ нашу столицу, даже и не хотите почтить ее и письмомъ. Хотя бы кое-какъ сдѣлали это. Смотрите, доселѣ никто не знаетъ адреса для письма къ вамъ. Я пускаю теперь на авось: давно бы хотѣлъ писать, не разъ собирался и все отлагалъ до будущаго извѣстія отъ васъ. Теперь пишу по нуждѣ. Вотъ въ чемъ дѣло. У насъ опрастывается учительская вакансія во 2-мъ приходскомъ классѣ. Благовѣщенскаго требуютъ въ полкъ. Кандидатовъ на его мѣсто не видно, кромѣ васъ и Смирнова Александра. Послѣдній даже сомнительный. Архіерей сердитъ на него за пасхальное время. Къ тому же и семинарская жизнь его извѣстна Владыкѣ. Не диво, что его и не будутъ представлять на это мѣсто. Остается поспѣшить вамъ. Если есть расположеніе къ ученой жизни (какъ говорятъ):

1841 г. такъ не медлите. Я притязаній на это мѣсто не изъявляю и не буду хлопотать. Жду себѣ другаго рѣшенія. До свиданія. О. Бѣляевъ.

Прошу извинить за письмо. Тороплюсь ужасно.

Касательно Благовѣщенскаго не дано еще знать изъ Консисторіи Правленію семинаріи.

Сапоровскій вамъ кланяется“.

Получивъ 11-го числа такую радостную вѣсть, я объявилъ ее своему барину. Онъ и все его семейство изъявили при семъ искреннее сожалѣніе о предстоящей со мною разлукѣ, хотя и не могли не понимать моего неопредѣленнаго положенія среди ихъ семейства. Но Семень Аркадьевичъ, желая избавить меня отъ лишнихъ путевыхъ издержекъ, предложилъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать во Владиміръ, такъ какъ и ему предстояла надобность туда отправиться. Конечно, я охотно принялъ такое благосклонное предложеніе; но проходитъ и день, и два и три, а мой баринъ и не думаетъ еще собираться въ путь. Я напоминаю ему: онъ убѣждаетъ меня помедлить еще день или два, такъ какъ его поѣздка зависѣла отъ какого-то богатаго крестьянина, который покупалъ у него рекрута и который вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ ѣхать во Владиміръ для сдачи этого рекрута. Прошла недѣля, а мы все еще сидимъ дома. Наконецъ, я потерялъ терпѣніе и сказалъ, что болѣе ждать не намѣренъ и попросилъ дать мнѣ подводу до Иванова. Просьба моя была исполнена; я пріѣхалъ въ Иваново къ сестрѣ и возвѣстилъ ей о предстоящемъ мнѣ счастіи—быть учителемъ Владимірскаго духовнаго училища. Разумѣется, она не могла не сочувствовать моему столь великому счастію. Переночевавши у ней одну ночь, я на другой-же день поспѣшилъ отправиться въ путь. До Суздаля, 70 верстъ, доѣхалъ я съ Суздальскимъ огуречникомъ, пріѣзжавшимъ въ Иваново на базаръ съ своими продуктами, за 70-ть копѣекъ ассигнаціями. Далѣе, до Владиміра, такой благоприятной окказіи не встрѣтилось, и я долженъ былъ 33 версты измѣрять пѣшкомъ. День жаркій, а сапоги были у меня тѣсные: чувствую, что на ногахъ у меня образуются мозоли: но надежда, по выраженію какого-то поэта, кроткая посланница небесъ, притупляетъ во мнѣ всякое чувство боли. Вотъ уже пройдено болѣе половины пути, вотъ

1841 г
 близко уже и Красное село; спускаюсь въ долину Суходола и вижу съ противоположной горы спускается экипажъ. Сидѣвшій въ экипажъ новорукоположенный священникъ, мой товарищъ Ксенофонтъ Виноградовъ, увидѣвъ меня, быстро соскочилъ съ повозки и подбѣгая ко мнѣ, съ укоризною кричить: „ахъ ты, несчастный! Вѣдь только сегодня сошла отъ архіерея резолюція съ назначеніемъ на учительскую должность Якова Смирнова; больше недѣли никого не пазначали, въ ожиданіи тебя“.... Можно вообразить при семъ мое разочарованіе!.. Однако-жъ, какое-то тайное чувство не дозволяло мнѣ вполнѣ довѣрять словамъ моего товарища; меня все еще не оставляла какая-то случайная надежда получить то, къ чему стремился.. Но часа черезъ два прихожу наконецъ въ бурсу къ родственному мнѣ эконому семинаріи, о. Алексѣю Палеховскому, и тутъ-то уже окончательно убѣждаюсь въ разрушеніи всѣхъ моихъ надеждъ...

На другой день утромъ поспѣшилъ я повидаться съ добрымъ товарищемъ Бѣляевымъ, извѣстившимъ меня объ учительской вакансіи. Онъ жилъ въ семинарской больницѣ и занималъ должность смотрителя оной. При свиданіи онъ объявилъ мнѣ, что онъ оставляетъ свою должность и намѣренъ волонтеромъ отправиться въ Петербургскую духовную академію; поэтому онъ совѣтовалъ мнѣ просить семинарское начальство объ опредѣленіи меня на его мѣсто въ больницу. Я воспользовался его добрымъ совѣтомъ и отправился къ о. ректору. Тотъ прежде всего выразилъ сожалѣніе, что онъ не знаетъ, гдѣ я находился при открытіи учительской вакансіи; но когда я завелъ рѣчь о предоставленіи мнѣ должности смотрителя, онъ выразилъ сомнѣніе, такъ какъ предположено-де было, по удаленіи Бѣяева, упразднить эту должность: однако-жъ онъ, по неотступной моей просьбѣ, обѣщалъ, хотя на время, оставить за мною смотрительскую должность. Я успокоился нѣсколько.

Между тѣмъ, въ послѣднихъ числахъ іюня я получилъ изъ Абакумова отъ своего друга, о. Граменицкаго письмо слѣдующаго содержанія:

„Приношу мою чувствительную благодарность за пріятнѣйшее ваше извѣстіе, которое я получилъ 22-го дня сего іюня. Сколько пріятныхъ чувствованій, сколько сладостно-

1841 г. пріятныхъ и грустно-томныхъ воспоминаній произвело во мнѣ письмо ваше! Читая его, наслаждался я восхитительно бесѣдою съ прежнимъ своимъ искреннимъ, милымъ, вѣрнымъ другомъ, видѣлъ въ немъ вашу ко мнѣ дружескую приверженность и расположеніе, — могло-ли это быть непріятно? Съ другой стороны, воображая, что протекло и не возвратится уже время взаимныхъ нашихъ мечтаній и собесѣдованій, въ немалую приводимъ былъ печаль и уныніе, досадовалъ на время, которое такъ скоро лишило насъ наслажденія дружествомъ. Сильно желалъ-бы видѣться съ вами во время пребыванія вашего во Владимірѣ, но не зналъ вашего намѣренія прежде. Не задолго предъ симъ былъ я во Владимірѣ. Не утрудился бы побывать еще, но лошадь очень набила плечи, такъ что нельзя надѣть хомута. Требуется, другъ, моего совѣта касательно поступленія вами во священника. И мнѣ тоже прежде состояніе священника казалось спокойнымъ и продовольственнымъ во всемъ (если такъ можно сказать); но на самомъ дѣлѣ мало спокойствія. Не знаю, какъ въ другихъ, а у насъ въ приходѣ требы три, четыре каждодневно, деревни дальнія, да пусть-бы хоть давали подводы, — а то, по большей части, все пѣшеходомъ, — а если, случится, и пріѣдутъ, то телѣга — то не ѣдетъ, — лошадь-то не везетъ, — слѣзешь и принужденъ пѣшкомъ, а каждую копѣйку отъ мужика достаемъ все горломъ, благороднымъ же образомъ не получишь ничего. Теперь мнѣ со вступленія на мѣсто пришло, кажется, сотъ пятакъ, а спросите, много-ли въ карманѣ? Едва-ли можно насчитать рублей 20-ть. Между тѣмъ какъ хлѣбъ ржаной свой. Вотъ, другъ мой, спокойствіе и выгоды священнической жизни! Мы прежде мечтаемъ такъ мило, такъ усладительно, — а послѣ въ самой дѣйствительности все окажется въ превратномъ видѣ. Сверхъ этого, будучи священникомъ, какую нужно имѣть всегда чистоту, готовность и силы къ пренесенію сего ига. На каждомъ шагу препинаніе, вездѣ грѣхъ и пагуба души угрожаетъ священнику, — только и живемъ надѣясь на Божіе беспредѣльное милосердіе; теперь вполне понялъ я смыслъ словъ св. Златоуста: „не мною быти спасаемыхъ, но многихъ погибаемыхъ, священниковъ“! Не надѣюсь, другъ, я на свои силы вполне, совершенно, въ точности исполнить всю важность своего сана, — помолитесь

о мнѣ Богу, что-бы благодать Его облегчила для меня иго сіе! Вы же, другъ, не малодушествуйте, видя мою слабость; можетъ быть, вы имѣете большую крѣпость силъ духовныхъ, большую терпимость; можетъ быть, вся представляющаяся мнѣ тяжесть, для согрѣтаго благочестіемъ сердца вашего, будетъ удовольствіемъ, веселіемъ и радостію. Рѣшительно вамъ присовѣтовать ничего не могу, я еще въ сей жизни такъ неопытенъ, такъ малосвѣдущъ—постоянно для самого меня встрѣчается все новое; когда пройдутъ лѣта юности,—можетъ быть, это состояніе сдѣлается приятнѣе. Только скажу, милый, если намѣрены будете выходить во священника, ищите мѣста въ городѣ или образованномъ хорошемъ селѣ. Съ грубыми мужиками жить несвосно“.

Въ іюлѣ я опредѣленъ былъ на должность смотрителя семинарской больницы. Обязанности мои состояли въ наблюденіи за порядкомъ въ больницѣ, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи; мнѣ ежемѣсячно выдавалась экономомъ семинаріи на расходы небольшая сумма, въ которой я долженъ былъ давать ему отчетъ. Но мои отчеты не всегда заслуживали одобреніе эконома—моего родича. Однажды я представилъ ему счетъ издержанныхъ мною денегъ по случаю погребенія умершаго ученика. Въ этомъ счетѣ значилось въ расходѣ 4 рубля съ копѣйками, ассигнаціями. Взглянувши въ этотъ счетъ, онъ сильно выбранилъ меня, сказавъ: „развѣ можно представлять такіе счеты?“—„А какіе же“, — возразилъ я ему? — Да тутъ нужно было записать въ расходъ, по крайней мѣрѣ, 15-ть рублей“. — Предоставляю уже это вамъ, — былъ мой отвѣтъ.—Изъ этого я понялъ, что значитъ быть экономомъ семинаріи.

По должности смотрителя больницы сколько, —думали-бы вы,—получалъ я жалованья? Два рубля серебромъ въ мѣсяцъ.—Правда, при этомъ я имѣлъ, кромѣ квартиры, казенный столъ.

Но Ѳ. Г. Бѣляевъ, сверхъ должности смотрителя, передалъ мнѣ свои уроки, которые онъ имѣлъ въ разныхъ домахъ и которые мнѣ доставляли болѣе тридцати рублей ассигнаціями (около 10-ти рублей серебромъ) въ мѣсяцъ.

Уроки я имѣлъ у врача семинарской-же больницы, Митрофана Ивановича Алякринскаго и въ двухъ домахъ дво-

1841 г. рянскихъ, коихъ фамилій не помню. Помню только, что въ одномъ домѣ заставили меня преподавать мальчику, между прочимъ, нѣмецкій языкъ, котораго я вовсе не зналъ. Но невѣдѣніемъ иностраннаго языка такъ же, какъ невѣдѣніемъ закона, я не могъ оправдываться. Дѣлать нечего, началъ съ ребенкомъ самъ изучать съ азовъ нѣмецкій языкъ, по извѣстному изреченію: *docendo discimus*.

5-го августа Бѣляевъ извѣщалъ меня коротенькой запиской, что онъ отправляется въ Петербургъ со студентомъ Саратовской семинаріи (Л. Я. Снѣжинскимъ) и поручалъ мнѣ переслать въ Муромъ къ брату своему (Ивану Гаврилычу — учителю духовнаго училища) Библию, Баумейстера и калоши.

А 31 го того-же мѣсяца писалъ мнѣ о. Граменицкій въ отвѣтъ на мое письмо:

„Въ первыхъ числахъ сего августа получилъ отъ пришедшихъ къ обѣднѣ письмо ваше. Чувствительно благодарю за увѣдомленіе. Очень пріятно, очень весело читать ваше извѣщеніе. Радуюсь, что вы приобрѣли для себя, хотя не вѣчное прибіжище — мѣстечко въ больницѣ, радуюсь также, что еще имѣете побочныя пособія къ своему содержанію. Еще желалъ-бы знать короче о вашемъ положеніи, и вы это обѣщали мнѣ сообщить чрезъ подателя вашего письма Θεодора Гавриловича; но онъ вѣрно изъ списка друзей меня хочетъ исключить, проѣхалъ Линой безъ оглядки, а какъ-бы, по мнѣ, не захватъ къ бывалому знакомцу? Богъ съ нимъ! Разумѣется ему такъ, какъ предназначенному быть жителемъ большой столицы, съ нашимъ братомъ знакомиться низко.

Я, другъ, лѣто проводилъ въ работѣ, отчасти позапасся хлѣбомъ; теперь хлопочу о пивѣ; въ первыхъ числахъ сентября буду заваривать; не подумайте, что наше пиво походитъ на сумасбродную, бесполезную брагу; нѣтъ, оно не многимъ уступитъ въ дѣйствиіи горѣлкѣ, это я испыталъ на себѣ въ прошедшую осень. Дѣлать нечего, у насъ въ деревнѣ не городъ, не увидишь скачущихъ по большой дорогѣ дворянъ или другихъ франтиковъ, скучно, испьешь пивца, и повеселѣе, поѣдутъ въ воображеніи на тройкахъ и двойкахъ. Слава Богу, я познакомился съ живущими у насъ въ приходѣ господами, а чрезъ нихъ и съ другими, — чуть соскучилось — можно найти развлеченіе въ домѣ любаго.

Нашъ діаконъ въ предпоследнихъ числахъ вакаціи бы- 1841 г.
валъ у васъ въ больницѣ, желалъ вамъ сообщить вѣсть
обо мнѣ и отъ васъ доставить мнѣ, но вы покоились въ
объятіяхъ морфея, онъ васъ потревожить не осмѣлился.
Прошу васъ, любезнѣйшій другъ, сообщать мнѣ новости
имѣющія случиться во Владимірѣ, не поставьте для себя
въ трудъ, чѣмъ много обяжете любящаго васъ друга-Гра-
меницкаго“.

10—12-го сентября писалъ мнѣ изъ Петербурга Ѳ. Гавр.
Бѣляевъ въ качествѣ уже студента академіи:

„Почти цѣлый мѣсяцъ и моего житья-бытья въ Питерѣ.
Какъ длиненъ, скученъ, тяжелъ былъ для каждаго изъ насъ
этотъ мѣсяцъ! Въ продолженіи его, каждый долженъ побы-
вать у стола предъ членами Конференціи не менѣе десяти
разъ. Замучили требованіями отчетовъ за семинарскую жизнь.
Ни одного предмета по аттестатамъ не оставили безъ вни-
манія. И всѣ давали отвѣты во всемъ самому ректору;
бакалавры со всѣхъ сторонъ напали съ возраженіями.
Ужасъ, какъ тяжело было стоять противъ сильныхъ ихъ
напоровъ. Рады, рады были мы, когда дождался сочине-
ній. Съ этой впрочемъ стороны труда положено не много.
Испытательныхъ задачекъ было только двѣ. Если угодно,
пожалуй скажу тебѣ и предложенія. Вотъ онѣ:

Quo modo hominum malorum res prosperae et bonorum
res adversae cum Dei justitia conciliari possunt — и *не*
мните яко придохъ воерещи миръ на землю: не при-
дохъ воерещи миръ, но мечъ, — соглашались съ текстомъ:
миръ Мой оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ. Теперь
дѣла испытательныя кончены. Даже составлены и списки.
Остается только узнать №. Впрочемъ, несомнѣнно то,
что принять я дѣйствительнымъ студентомъ. Это глав-
ное. Пятнѣшняго числа читали уже и лекціи у насъ. На
первый разъ привелось мнѣ слушать бакалавра словес-
ности, профессора математики и бакалавра французскаго
языка. Ну, любезный, на первый разъ очень интересно было
сидѣть въ классѣ. Особенно профессоръ математики¹⁾ такъ
хорошо объяснилъ введеніе въ эту науку... Завтра бросить
выли въ глаза профессоръ философіи Карповъ²⁾. Взгляды у

¹⁾ Д. П. Ростиславовъ († 18 февр. 1877 г.).

²⁾ Василій Николаевичъ († 3 дек. 1867 г.).

1841 г. него на предметъ свой почти оригинальные. Впрочемъ, говорю я это только по слухамъ. Самому еще не удавалось доселѣ назидаться отъ него.

Въ Петербургѣ житье бы должно быть веселое, есть на что позѣвать, всюду можно видѣть развлеченіе: но для студентовъ академіи подѣ часъ какъ скучна бываетъ жизнь столичная, жить при кучѣ удовольствій и ни одного не поймать изъ нихъ въ цѣлую недѣлю — не досадно-ли? А для насъ Питеръ именно-таки всегда почти не существуетъ на цѣлую недѣлю. Здѣсь свобода студенческая такъ ограничена. Кромѣ праздничныхъ дней не позволяютъ отлучаться въ городъ. И въ дни праздничные увольняютъ съ оговоркою: не часто-ли отлучаетесь. Такое житье инымъ не правится, особенно кто привыкъ къ вольной жизни. Я, съ своей стороны, нисколько не скучаю. Съ удовольствіемъ можно проводить время и внутри академіи. Народъ молодой постоянно здѣсь острить. Только бодрствуй, слушай и смѣйся. Успишь—разбудятъ. И—академія сама въ себѣ вещь очень хорошая. Столъ здѣсь несравненно лучше Московской академіи; чистота въ комнатахъ—какая только возможна; прислуга достаточная—гвардейцы молодцы—парень къ парню. Скоро даже заведутъ у насъ казенный чай съ булками, — непременно установятъ форму для платья университетскую, только съ пуговицами бѣлыми—съ орлами. Защиплехъ!... Много только возложить на насъ трудныхъ обязанностей съ этою формою. Тогда забудешь глядѣть по сторонамъ на Певскомъ; какъ разъ затащатъ на гауптвахту, если не отдашь чести, кому нужно будетъ. Впрочемъ, бодрѣе будемъ. Я нисколько не тужу, что продалъ свою свободу на четыре года. Если-бы этого не случилось: конечно хуже-бы было — присловица, доказанная опытомъ священника. Помнишь?

Доколѣ до свиданія, конечно, письменнаго. Пиши, братъ.

Твой студентъ СПб. духовной академіи О. Бѣляевъ.

О. Эконому мое почтеніе.

Въ слѣдствіе строгаго осмотра одежды, нашитой намъ въ семинаріяхъ отъ здѣшняго Правленія сдѣлано отношеніе къ графу объ томъ, что форма для платья соблюдена только въ четырехъ семинаріяхъ. Правленіямъ, несоблюдшимъ формы, слышно, будетъ выговоръ и—строгий“..

Вслѣдъ за тѣмъ отъ 30-го числа Бѣляевъ пишетъ снова: 1841 г

„Думаю, ты получилъ уже письмо мое отъ Приклонскаго и вѣрно скоро отвѣтишь мнѣ на него. Въ добавокъ къ Владимірскимъ повостямъ прошу тебя узнать отъ Сапоровскаго, гдѣ пріютился Гаврило Павлинычъ. Если онъ знаетъ и адресъ къ нему, прошу тебя передать его мнѣ. Давно уже собираюсь я послать письмо къ Павлинычу—и все отлагаю дѣло это за неизвѣстностію о мѣстопребываніи его. Ну, любезный, по сказкамъ Иркутскаго священника, тепершняго моего товарища, сибиряки-Владимірцы будутъ очень счастливы. Последнее мѣсто въ Иркутской губерніи доставляетъ священнику разнаго товару на 700 рублей, за исключеніемъ того, что утрачивается на продовольствіе своего семейства. Не хвалить лишь земляковъ нашихъ за то, что они не оженятся въ своей епархіи. Въ Иркутскѣ очень дороги невѣсты. Былинскій хоть и бѣдную взялъ: но она ему знакомая, да и тамъ не пашель-бы собѣ невѣсты съ богатымъ приданымъ. Земляки наши попались священнику за 400 верстъ до Иркутска.

Со мною новаго доколѣ ничего не послѣдовало. Хожу въ классъ, слушаю на несноснаго Винклера строгую критику г. Карпова; съ пинѣшняго двя долженъ буду писать свою критику на предварительныя понятія въ смыслѣ философіи Винклера. Тяжела, тяжела наша философія. Заучивай отъ слова до слова лекціи Винклера—и въ то-же время отвергай его мнѣніе. Двойной трудъ. О, еслибы возвратились къ намъ времена Карповскія!“....

9-го октября писалъ мнѣ изъ Абакумова другъ мой о. Граменицкій:

„Не могъ пропустить удобнаго случая, чтобъ не дать вамъ о собѣ извѣстія и вмѣстѣ не засвидѣтельствовать вамъ, постоянно обитающаго въ моемъ сердцѣ, глубочайшаго почтенія. Осмѣливаюсь сдѣлать, другъ, вамъ предложеніе: не угодно-ли будетъ къ прежнему нашему взаимному дружеству присоединить связь родственную? Какъ же это? Мой дядишка Симскій благочинный Василій Петровичъ Приклонскій скончался; если будутъ вамъ предлагать взять его дочь,—ошибка, кажется, быть не должна; но можетъ быть они, пріѣхавъ во Владиміръ, и не сдѣлаютъ вамъ предложенія; сходите къ Андрею Гр.—очъ будетъ сватомъ.

1841 г. Очень, очень желательно мнѣ имѣть прежняго своего друга родственникомъ. Хотя я предлагаю вамъ, но мѣсто и невѣсту знаю только по слуху, смотрите сами. Худаго не слышно; но одобряють всѣ и мѣсто и качества физическія и нравственныя невѣсты. Я живу, слава Богу, живъ-благополученъ. Сейчасъ наслаждался разговоромъ о васъ, радуюсь вашему благополучію. Прошу и молю васъ другъ еще, — не оставьте, — сходите къ Полювкту Гавриловичу Былинскому, попросите у него письма отъ В. Гавр. и перешлите мнѣ прочитатъ объ Иркутскихъ обыкновеніяхъ, — очень скоро возвращу вамъ съ благодарностію, — пожалуйста“.

Мнѣ дѣйствительно предлагали поступить въ село Симу, Юрьевского уѣзда, на мѣсто умершаго священника Приклонскаго, со взятіемъ его дочери, но я отказался. Въ это время у меня снова возродилась мысль о поступленіи въ академію, и я приступилъ уже къ осуществленію этой мысли, началъ перечитывать имѣвшіяся у меня академическія записки; обратился за философскими книгами къ М. П. Алякринскому, у котораго я обучалъ воспитанника: тотъ далъ мнѣ на первый разъ сочиненіе *Окена* „о свѣтѣ и теплотѣ, какъ извѣстныхъ состояніяхъ всемірнаго элемента“, въ русскомъ переводѣ *Д. Велланскаго* (Спб. 1816 г.). Но сочиненіе это написано такимъ высокопарнымъ языкомъ, что въ немъ я не могъ почти ничего понять.

Около половины октября умеръ въ Муромѣ соборный священникъ Василій Васильевичъ Царевскій, оставивъ беременную жену и 9 человѣкъ дѣтей. Я не зналъ объ этомъ, но приходитъ ко мнѣ товарищъ Н. К. Смирновъ и спрашиваетъ меня, буду ли я проситься на это мѣсто. Имѣя въ виду, съ одной стороны, мысль о поступленіи въ академію, а съ другой, разсуждая, что соборное священническое мѣсто едва ли можетъ быть предоставлено молодому студенту, только лишь окончившему курсъ семинаріи, я далъ отрицательный отвѣтъ. Ему только это и пужно было знать. Не смотря на то, что онъ гораздо ниже меня стоялъ въ спискѣ, онъ не убоился искать этого мѣста и разсчитывалъ на успѣхъ, надѣясь на протекцію своего отца крестнаго. Муромскаго городничаго Козьмы Семеновича Макова. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Въ послѣднихъ числахъ октября неожиданно является ко мнѣ въ больницу учитель Владимірскаго духовнаго училища Алексѣй Михайловичъ Ушаковъ (кандидатъ V курса — 1826 г.—Московской духовной академіи) и говоритъ: „Иванъ Михайловичъ, я пришелъ къ тебѣ сватомъ“. — „Доброе дѣло,—отвѣчаю я,— по куда же хотите меня сватать?“ — „Въ Муромъ, къ собору, на мѣсто умершаго священника Царевскаго“. — О, нѣтъ! я боюсь и проситься туда“. — „Нѣтъ, пожалуйста, не отказывайся; повидайся, по крайней мѣрѣ, съ вдовой, которая пріѣхала во Владиміръ и которой рекомендовали тебя, какъ благонадежнаго жениха, а она поручила мнѣ, какъ родственнику, пригласить тебя; она остановилась у Павла Абрамыча Прудентова—(учителя семинаріи, женатаго на родной племянницѣ вдовы Царевской) и чрезъ день, или два пришлетъ за тобой“.

Дѣйствительно вскорѣ присылаютъ за мной и приглашаютъ въ квартиру П. А. Прудентова. Прихожу и вижу предъ собой среднихъ лѣтъ вдову, довольно красивую и съ умнымъ выраженіемъ лица. Имя ея Прасковья Степановна; съ ней вмѣстѣ пріѣхала старшая сестра ея Надежда Степановна Аменицкая, теща Прудентова и также вдова. У нихъ во Владимірѣ былъ братъ Павелъ Степановичъ Харизоменовъ—старшій столоначальникъ Консисторіи. Сейчасъ же завели со мною рѣчь о главномъ предметѣ, ради котораго меня позвали. На сдѣланное мнѣ предложеніе я отвѣчалъ уклончиво; меня стали упрашивать, по крайней мѣрѣ, явиться съ ними, на другой день къ Преосвященному, который имъ дозволилъ искать къ сиротѣ достойнаго жениха; при этомъ вручили мнѣ роспись приданаго за невѣстой на двухъ или трехъ страницахъ. Ничего не понимая въ этихъ дѣлахъ, я отправился съ росписью къ о. ректору Поликарпу. Тотъ, поелику самъ былъ семейнымъ человекомъ, рассмотрѣвши роспись, нашелъ ее недостаточною; въ ней не значилось ни самовара, ни чайныхъ принадлежностей: поэтому онъ велѣлъ, чтобы все это внесено было въ роспись.

На другой день, часовъ въ 8-мъ утра, собрались въ передней архіерейской двѣ сестры-вдовы—Царевская и Аменицкая, братъ ихъ Харизоменовъ и я. Доложили о насъ

1841 г. Владыкѣ; онъ не замедлилъ позвать всѣхъ насъ въ залу.

Первый вопросъ Архипастыря обращенъ былъ ко мнѣ:

— „Вѣдь ты сирота?“

„Сирота, Владыко святой“.

— „Ты сирота, невѣста сирота, соборъ безприходный, а надо купить тебѣ домъ: на какія же средства будешь покупать?“

Я обрадовался, что встрѣтилось препятствіе и говорю Владыкѣ:

„Преосвященнѣйшій Владыко, я имѣю пока кусокъ хлѣба, и потому не имѣю надобности спѣшить выходить на мѣсто“.

Владыка началъ разсматривать списокъ окончившихъ курсъ семинаріи и сталъ разсуждать самъ собою: Смирновъ, за котораго ходатайствуетъ Маковъ, сынъ также не богатаго отца (инспектора Суздальскаго дух. училища), и потому также не въ состояніи приобрѣсть дома, да къ тому же онъ ниже Тихомирова въ спискѣ. За тѣмъ, какъ бы пробудившись отъ своего размысленія, онъ обращается къ столоначальнику Харизоменову съ вопросомъ: „да, кажется, въ Муромскомъ училищѣ есть праздное учительское мѣсто“?— „Точно такъ, Владыко святой; учитель перваго класса отправился въ Томскую епархію на священническое мѣсто“.— „А сколько учителю 1-го класса жалованья,—продолжаетъ Владыка?—„Триста рублей (ассигнаціями)“.— „Ну, вотъ и хорошо.—Ты,—обращается ко мнѣ Владыка,—будешь учителемъ и будешь получать за это по 300 р. въ годъ; изъ нихъ 100 рублей отдавай сиротамъ.—А ты, баба,—обращается къ вдовѣ Царевской,—отдай ему (т. е. мнѣ) третью часть дома“.

Я началъ было опять уклоняться отъ Муромскаго мѣста, но Преосвященный мнѣ говоритъ: „эту мысль (т. е. объ учительствѣ) самъ Богъ мнѣ внушилъ; поди, послушайся меня, хорошо будетъ“.

Не смѣя болѣе пререкать архипастырской волѣ, я дерзнулъ попросить позволенія предварительно посмотрѣть невѣсту.

„Ну, что-же ты, баба, — обратился онъ къ моей будущей тещѣ; — не привезла сюда дѣвку-то; онъ здѣсь и посмотрѣть-бы ее, а то шутка-ли ѣхать за сто двадцать

версть?“—Впрочемъ, мнѣ дано было дозволеніе отправиться 1841 г
въ Муромъ.

Но я, какъ приговоренный къ смерти, вышелъ изъ архіерейскихъ покоевъ и бросился къ ректору просить защиты и ходатайства предъ Пресвященнымъ объ освобожденіи меня отъ Муромскаго мѣста. По добрый о. ректоръ, выслушавши мой разсказъ объ обстоятельствахъ дѣла, далъ мнѣ совѣтъ отпавиться въ Муромъ, и если мнѣ не понравится невѣста, сказать ему: тогда онъ употребитъ всѣ усилія къ освобожденію меня отъ нежеланнаго мѣста и во любой невѣсты.

На другой или на третій день отправился я въ Муромъ, въ соудствіи двухъ вдовиць. По пріѣздѣ туда, остановился въ домѣ роднаго брата вдовы Царевской, соборнаго же священника Василя Степановича Харизоменова. Смотрю въ окно и вижу соборъ старинной архитектуры XVI столѣтія, стоятъ на высокой, крутой горѣ надъ рѣкою Окой. Слава Богу, первое впечатлѣніе очень доброе. — Что, — думаю, —будетъ дальше?—Изъ другаго окна вижу рядомъ домъ моеи невѣсты, новый, довольно красивый и просторный: и это произвело пріятное на меня впечатлѣніе. Черезъ часъ приглашаютъ меня въ домъ невѣсты. Вхожу. Въ залѣ встрѣчаетъ меня вся семья— мать и 9-ть человѣкъ дѣтей, шесть дочерей и три сына. Пмя старшей дочери, моеи невѣсты, Анна Васильевна. Тутъ-же были и нѣкоторые изъ ближайшихъ родственниковъ. У меня въ Муромѣ не было никого знакомыхъ, кромѣ странчаго А. А. Горицкаго; но онъ меня не зналъ, и мы съ нимъ познакомились уже впоследствии. Такимъ образомъ не съ кѣмъ было мнѣ посоветоваться Я долженъ былъ самъ рѣшить свою судьбу. Прошло дня два, и я, ознакомившись нѣсколько съ невѣстой и семействомъ, и предавъ себя и свою судьбу въ волю Божию, рѣшился сдѣлать роковой шагъ въ жизни.

Возвратившись черезъ нѣсколько дней во Владиміръ, я подаль прошеніе Пресвященному объ опредѣленіи меня на должность учителя Муромскаго училища и о предоставленіи мнѣ празднаго священническаго мѣста при Муромскомъ Богородицкомъ соборѣ. По этому прошенію послѣдовалъ запросъ семинарскому Правленію, могу-ли я совмѣстять учительскую должность со священническою. На этотъ запросъ

1841 г. данъ былъ ректоромъ о. Паликарномъ отъ 18-го ноября слѣдующій отзывъ:

„Студентъ Пв. Тихомировъ, по окончаніи семинарскаго курса, опредѣленъ былъ 12-го іюля сего года смотрителемъ семинарскаго больницы, каковую должность проходилъ съ отличною ревностію, при поведеніи примѣрно хорошемъ, исправляя иногда, по порученію Правленія, должность наставника по классу греческаго языка за болѣзнію котораго-либо изъ гг. наставниковъ онаго. Къ наставнической должности онъ, Тихомировъ, весьма способенъ и къ совмѣщенію должности учительской при Муромскихъ училищахъ, въ случаѣ потребности, съ должностію священническою никакого препятствія не имѣется“.

Между тѣмъ, я успѣшилъ увѣдомить свою будущую тещу о благополучномъ возвращеніи во Владиміръ и объ обстоятельствахъ моего дѣла. И вотъ что получилъ отъ нея въ отвѣтъ отъ двадцать девятаго ноября:

„Любезнѣйшій Иванъ Михайловичъ!

Пріятное ваше письмо мы получили 22-го числа по утру въ 10-ть часовъ. Читаемъ его каждый день, ибо въ немъ очень много намъ пріятнаго и любезнаго, какъ въ отношеніи меня, такъ и въ отношеніи моего семейства.

Семейство, слава Богу, здорово, чего и вамъ желаютъ, — всѣ они васъ ждуть, не знаютъ какъ провести скорѣе постъ и дожидаться вашего приѣзда; всѣ деньки считаютъ (какъ говорится) по пальчикамъ, и дай Богъ, чтобы эта несносная зима прошла и наступила вѣчная весна, приѣхавшая съ вами. Особенностей у насъ никакихъ покаместъ нѣтъ, всё по старому. Пожелавъ вамъ добраго здоровья и скорога прибытія къ намъ, остаюсь любящая васъ Прасковья Царевская“.

Подавши просьбу Преосвященному, я долженъ былъ приготовиться къ испытанію въ знаніи догматовъ вѣры православною. Самимъ Владыкою составлены были краткія записки по Догматикѣ, состояція изъ однихъ почти опредѣленій и сухихъ положеній, подрѣзанныхъ текстами Св. Писанія. Эти записки, переходившія изъ рукъ въ руки, мы обязаны были твердо знать наизусть. Такъ какъ во Владимірской епархіи, при огромномъ количествѣ приход-

скихъ церквей (около 1050), всегда много было ставленниковъ, то Преосвященный никогда не производилъ испытаній по одиночкѣ, а человекъ по пяти или по десяти въ разъ. Намъ, кандидатовъ священства, собралось въ одинъ разъ 10-ть человекъ и 11-й съ нами былъ исключенный изъ средняго отдѣленія кандидатомъ на діаконское мѣсто, который подвергался испытанію въ знаніи Пространнаго Катихизиса. Когда мы все собрались къ Преосвященному, онъ приказалъ намъ къ слѣдующему дню приготовить извѣстный трактатъ. Намъ велѣно было явиться въ пять часовъ по полудни. Владыка, вышедши въ залу, приказывалъ намъ становиться въ рядъ по старшинству и начиналъ спрашивать съ низшихъ. Если кто-либо отвѣчалъ на вопросъ неудовлетворительно, онъ обращался къ слѣдующему; если и этотъ не удовлетворялъ вопрошающаго, долженъ былъ отвѣтить слѣдующій и такъ далѣе. Если никто изъ насъ не отвѣтитъ на предложенный вопросъ, — что однажды и случилось: то Владыка отсылалъ насъ и приказывалъ къ слѣдующему дню повторять тотъ же трактатъ. Такимъ образомъ, наше испытаніе, или, вѣрнѣе, истязаніе продолжалось недѣли полторы. Мои отвѣты такъ понравились архипастырю, что онъ говорилъ ректору: „у меня такого студента еще не бывало“, — и приказалъ ему имѣть меня въ виду, въ случаѣ имѣющей открыться учительской вакансіи въ высшемъ классѣ.

По окончаніи экзамена, на моемъ прошеніи дана была преосвященнѣйшимъ Пароеніемъ 11-го декабря такая резолюція: „Студенту Тихомирову, оказавшемуся въ истинахъ богословскихъ и пѣніи довольно свѣдующимъ, чинить производство во священника, согласно съ прошеніемъ и условіемъ, съ назначеніемъ вмѣстѣ и учителемъ приходскаго Муромскаго училища, такъ какъ къ совмѣщенію обѣихъ должностей—и по весьма хорошему свѣдѣніямъ, и примѣрно хорошему поведенію и дознанной отличной ревности—признается, по свидѣтельству о. ректора семинаріи, весьма способнымъ, — о чемъ и сообщить въ семинарское Правленіе“.

14-го декабря писалъ мнѣ, въ отвѣтъ на мое письмо, Абакумовскій другъ мой М. Д. Граменицкій:

„Благодарю, другъ, что сверхъ ожиданія удовлетворили мое жадное любопытство о вашихъ обстоятельствахъ. Точно,

1841 г. и прежде слышаль я о вашемъ намѣреніи поступить въ Муромъ, слышаль даже, что вы отправились туда для смотрѣнія и избранія себѣ подружія;—но не зналь, какія слѣдствія были вашей поѣздки. Теперь-же вижу, что вы чрезъ нѣсколько недѣль вступите въ новую жизнь супружества и священства. Радуюсь — счастливымъ вашимъ обстоятельствамъ. Радуюсь тѣмъ болѣе, — что въ короткѣ знакомъ мнѣ Муромъ; въ томъ самомъ соборѣ, къ угодникамъ котораго я летаю мыслію повседневно, суждено быть служителемъ Божественныхъ таинъ искреннему—ближайшему моему другу.

Пиताюсь надеждою, что вы, будучи іереемъ Господнимъ, помянете когда-либо у гроба благовѣрныхъ Муромскихъ князей въ своихъ молитвахъ и мое недостоинство!

Да! жалко милый другъ, что мы, живя нѣсколько времени не такъ въ дальнемъ между собою разстояніи, не могли избрать случая къ своему свиданію; а все виновата въ этомъ надежда на будущее.

Итакъ, неужели намъ суждено болѣе не видѣться? Не можетъ быть! Прошу васъ не медля увѣдомить меня, когда пріѣдете за благодатію во Владиміръ;—я, имѣя давнее намѣреніе ѣхать на родину,—эту дорогу приспособлю къ сему времени. Тутъ повидимся, поговоримъ, сообщимъ взаимныя чувствованія и проч. и проч.

Жалко, что я живши въ Муромѣ не зналь вашей будущей супруги. Отца Василия я зналь очень коротко, — вѣрно и ваша супруга достойна васъ, — если наслѣдуетъ свойства покойнаго родителя. Моя Шаинька, такъ же, какъ и я, желаетъ вамъ всѣхъ отъ Бога милостей и счастья. Доколѣ довольно! Надѣюсь, что разстояніе отъ Мурома до Липни это 200 или 170 верстъ, не можетъ поставить границы нашимъ взаимнымъ сообщеніямъ.

Не ошибаюсь“!

Получивши изъ Консистеріи билетъ на вступленіе въ бракъ, я отправился на родину для приглашенія родственниковъ на свадьбу, которая назначена была вскорѣ послѣ крещенія.

29-го декабря писалъ мнѣ изъ Петербурга студентъ академіи О. Г. Бѣляевъ:

„Съ новымъ годомъ поздравляю тебя. Отъ души желаю

тебѣ обрѣсть новое счастье на новомъ поприщѣ твоей 1841 г жизни!

Я не много виноватъ передъ тобой. Такъ долго промедлить отвѣтомъ на твое письмо. Ты сердишься? И—полно, братъ, вѣдь проступокъ съ моей стороны совершенно неумышленный. Смотри, я и самъ себѣ не дамъ отчета, почему такъ долго не писалъ къ тебѣ. Шутъ знаетъ, не то, чтобы дѣла заставляли меня отлагать бесѣду съ тобою, и не лѣнь писать пустяшныя епистолейки была тому причиной: а такъ, что-то въ родѣ *не хочется*. Признаться не находилъ и особенныхъ новостей для письма; а безъ новостей что за удовольствіе и посылать и получать письма. Кромѣ вздору и теперь даже не могу ничего сказать тебѣ. Самая однообразная жизнь академическая. Если что-нибудь встрѣчалъ я особеннаго въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ въ академіи: такъ это во время испытаній предъ святкамъ.

Интересно было слушать горячіе споры между профессорами; забавно, даже лестно было каждому высказывать мудрость Божественнаго Винклера... Но сознайся, вѣдь тебѣ нынѣ не по сердцу подобныя пустяки? Ты, злодѣй, отложилъ уже попеченіе объ академіи. Дѣло, братъ, дѣло. Мало пользы убить четыре года въ академіи изъ самой цвѣтущей жизни, особенно при такой скудости мѣствъ. То ли дѣло покониться въ объятіяхъ возлюбленной Анны Васильевны! Наслаждайся, другъ, своимъ счастьемъ: оно теперь вполне разцвѣтаетъ для тебя. Академическая жизнь, повѣрь, скоро наскучила бы и тебѣ. И при удачномъ теченіи дѣлъ академическихъ, какъ мало ясныхъ дней въ моей жизни! Будущее отдалено: — мечтать и жить имъ и безнадежно и вредно. Въ настоящемъ все монахи. А жить въ сообществѣ съ монахами—большая находка!!

Не знаю, что тебѣ еще сказать. Развѣ вкратцѣ о здѣшнихъ святкахъ? Да, здѣшніе святки служатъ наградою для студентовъ за цвѣтующую треть затворнической жизни. Прелесть, какъ хороши здѣсь вечера. Ужъ подлинно по русски, на славу пируютъ здѣсь даже духовные. Ну что, каковы твои святки? *Должно* быть *занимательны*... Надѣюсь, въ свободное время опишешь все, и старое и новое. Чуръ не секретничать“.

На канунѣ новаго года теща моя, Прасковья Степановна,

1842 г. разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго назвала въ память своего покойнаго мужа Василиемъ. Такимъ образомъ этотъ ребенокъ имѣлъ одинаковую со мною суд. бу, какъ-бы потому впослѣдствіи мнѣ пришлось о немъ заботиться больше, чѣмъ о прочихъ его братьяхъ.

12-го января совершенъ былъ бракъ въ соборной церкви. На свадьбѣ были мои родственники: о. Василій Сапоровскій, дядя и о. крестный діаконъ Петръ Иванычъ, зять Василій Александровичъ Левашевъ, сестра Анна Михайловна и, кажется, молодой діаконъ Ивановской едиповѣрческой церкви О. С. Виноградовъ, женатый на моей племянницѣ, дочери старшей сестры моей Марьи Михайловны. Брачный пиръ былъ самый скромный, однимъ словомъ, сиротскій.

Черезъ два или три дня послѣ брака, я отправился во Владиміръ для посвященія. 18-го числа рукоположенъ былъ преосвященнымъ Паросіемъ въ діакона, а 25-го числа, въ день святаго Григорія Богослова, сподобился принять благодать священства въ домовоі архіерейской церкви.

На расходы по производству въ священника мнѣ обѣщано было 30-ть рублей, но я получилъ только 25-ть рублей; впрочемъ, этихъ денегъ, при протекціи родственника, консисторскаго столоначальника, было для меня достаточно. Онъ самъ мнѣ назначилъ, кому сколько дать; между прочимъ, секретарю Консисторіи велѣлъ отнести двѣ бутылки рому, и тотъ благосклонно принялъ отъ меня это приношеніе. Квартиру и столъ во все время пребыванія моего во Владимірѣ, имѣлъ я у помянутаго выше родственника моей тещи, священника П. А. Пруденцова.

По рукоположеніи, цѣлую недѣлю служилъ я въ большой, крестовой церкви и за тѣмъ, получивъ изъ рукъ моего незабвеннаго рукоположителя ставленную грамоту, отправился въ Муромъ, къ мѣсту моего новаго служенія.

1-го февраля вечеромъ пріѣхалъ я въ Муромъ, и 2-го, въ день праздника Срѣтенія Господня, сподобился совершить соборнѣ съ настоятелемъ собора, протоіереемъ Михаиломъ Григорьевичемъ Троицкимъ, божественную литургію.

За тѣмъ вступилъ я въ должность учителя перваго класса приходскаго училища.

Считаю умѣстнымъ предварительно познакомить здѣсь 1812 г. читателя въ краткихъ словахъ съ исторією города Муромъ и съ окружающимъ меня обществомъ.

Городъ Муромъ, какъ извѣстно, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи; расположенъ на лѣвомъ, возвышенномъ берегу р. Оки. Въ немъ, при народонаселеніи не болѣе 10,000 душъ обоего пола ¹⁾, 3 монастыря—два мужскихъ и одинъ женскій, соборъ и 14-ть приходскихъ церквей.

Спасскій Преображенскій монастырь, 3-го класса, находится почти на окраинѣ города, занимаетъ весьма красивую мѣстность надъ Окою. Когда онъ основанъ, неизвѣстно; но онъ существовалъ уже въ концѣ XI вѣка.

Благовѣщенскій, также третеклассный, монастырь, находится въ центрѣ города. Онъ основанъ на мѣстѣ древней Благовѣщенской церкви въ 1555 году, по повелѣнію царя Іоанна Васильевича Грознаго, когда онъ возвращался изъ Казани. При этомъ случаѣ обрѣтены были мощи благовѣрныхъ князей Константина и чадъ его Михаила и Θεодора, которые и нынѣ почиваютъ въ главной монастырской церкви въ одной рацѣ.

Рядомъ съ Благовѣщенскимъ монастыремъ, чрезъ дорогу, находится Троицкій женскій монастырь, основанный въ 1642-мъ году

Соборъ во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Сооруженъ въ XV вѣкѣ. Въ немъ въ полѣ спудомъ почиваютъ, въ одной рацѣ, мощи князей Муромскихъ Петра и Февроніи.

Муромскія приходскія церкви, между которыми есть очень древнія, не отличаются такимъ благоустройствомъ и блескомъ, какимъ, какъ мы видѣли, отличаются церкви Шуйскія, хотя въ Муромѣ, какъ и въ Шуй, было въ мое время не мало купеческихъ фамилій очень богатыхъ, какъ напр., Маслаковы (Мязриковы), Зворыканы, Козновы и др.

Главная городская промышленность—полотняная и хлѣбная торговля въ обширныхъ размѣрахъ. Сверхъ сего существуетъ въ городѣ до двадцати пяти фабрикъ и заводовъ.

Изъ духовныхъ лицъ, коихъ я засталъ въ Муромѣ, болѣе примѣчательны слѣдующія:

Настоятель Спасскаго монастыря, архимандритъ Геронимъ.

¹⁾ Въ 1881 г. было уже 13,682 д.

1842 г. Изъ магистровъ 1-го курса Петербургской духовной академіи, онъ былъ ректоромъ Псковской семинаріи и настоятелемъ Спасо-Елеазарова монастыря съ августа 1821 года по іюль 1823-го г. ¹⁾. Затѣмъ, въ слѣдствіе нетрезвости, посланъ былъ въ Боголюбовъ монастырь, Владимірской епархіи, гдѣ оставался въ званіи настоятеля только до апрѣля 1824 года. Въ это время, безъ сомнѣнія, по причинѣ той же слабости, былъ уволенъ отъ настоятельства. Въ 1829-мъ году снова назначенъ былъ настоятелемъ Муромскаго Спасо-Преображенскаго монастыря и вслѣдъ за тѣмъ опредѣленъ членомъ Владимірской духовной консисторіи. По обязанностямъ этой послѣдней должности онъ постоянно жилъ во Владимірѣ, въ Рождественскомъ архіерейскомъ монастырѣ; въ Муромъ же пріѣзжалъ только вмѣстѣ съ преосвященнымъ Парее-ніемъ, который всегда бралъ его съ собою при поѣздкахъ по епархіи.

Настоятель Благовѣщенскаго монастыря игумень Варлаамъ изъ вдовыхъ сельскихъ священниковъ; управлялъ монастыремъ съ 1838 по 1844 годъ.

Настоятель собора протоіерей Михаилъ Григорьевичъ Троепольскій. Родомъ изъ Орловской епархіи, онъ былъ родной племянникъ преосвященнаго Ксенофонта, бывшаго епископа Владимірскаго. Въ 1804 году (16-ти лѣтъ отъ роду) онъ перемѣщенъ былъ, по желанію дяди, изъ Сѣвской семинаріи во Владимірскую, но не окончивъ здѣсь полного курса, 14-го мая 1808-го года рукоположенъ былъ во священника къ церкви Покровскаго женскаго монастыря въ г. Суздаль. Отсюда, уже въ санѣ протоіеря, онъ переведенъ былъ 4-го ноября 1816-го года въ Муромъ. Воспитанный подъ строгимъ надзоромъ своего дяди, о. протоіерей всегда былъ строгъ къ себѣ: жилъ въ высшей степени воздержно, пищу употреблялъ простую, удалялся шумнаго общества и любилъ проводить время въ своемъ семействѣ. Онъ былъ членомъ духовнаго Правленія и благочиннымъ подгородныхъ сельскихъ церквей. Дорожа своею репутаціею, онъ ревностно изучалъ какъ церковныя правила, такъ и гражданскіе законы. Добросовѣстно исполняя

¹⁾ Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Рос. церкви II. *Стржева*, Спб. 1877 г. стр. 388.

свои обязанности самъ, онъ требовалъ такого-же исполненія и отъ своихъ подчиненныхъ. Чувствуя по временамъ слабость въ ногахъ, онъ не очень любилъ продолжительную службу въ церкви, но при богослуженіи и самъ соблюдалъ, и отъ другихъ требовалъ строгой чинности и порядка. При среднемъ ростѣ, осанистый собою, съ широкою окладистою бородою и съ октавистымъ голосомъ, онъ былъ въ служеніи очень благолѣпенъ. Семейство его, кромѣ жены, — старицы примѣрной кротости, составляли: сынъ Иванъ Михайловичъ и четыре дочери. Сынъ окончилъ курсъ, но по смерти отца, послѣдовавшей 16-го августа 1853 года отъ холеры, велъ жизнь очень бѣдственную. Старшая изъ дочерей, Любовь Михайловна, была въ замужествѣ за учителемъ (впослѣдствіи инспекторомъ) Владимірскаго духовнаго училища, Ив. Гр. Соколовымъ; вторая и третья были также въ замужествѣ за какими-то чиновниками, но не были такъ счастливы, какъ первая; а младшая осталась дѣвицею и влачила самую жалкую жизнь.

Говоря о племянникѣ, не могу не сказать нѣсколько словъ о его досточтимомъ дядѣ, т. е. о преосвященномъ епископѣ Ксенофонтѣ.

Преосвященнаго Ксенофонта я не помню; мнѣ было не много болѣе двухъ лѣтъ, когда онъ оставилъ Владиміръ и отправился на Подольскую епархію. Поэтому я изложу о немъ тѣ только свѣдѣнія, какія найдены мною въ печатныхъ источникахъ.

Преосвященный Ксенофонтъ (Тронопольскій) изъ настоятелей Свіяжскаго монастыря рукоположенъ былъ 15-го января 1800 г. въ епископа Свіяжскаго, перваго викарія Казанской епархіи, а чрезъ мѣсяцъ, или не много болѣе, и именно 24-го февраля переведенъ на кафедру Владимірскую.

Епископъ Ксенофонтъ, говоритъ авторъ исторіи Владимірской семинаріи (стр. 110)¹⁾, былъ человѣкъ многосторонне образованный; характеристическою чертою его дѣятельности служить постоянная, неусыпная забота о духовномъ просвѣщеніи; преданіе говорить, что его такъ и называли многіе: „радѣтель духовнаго просвѣщенія“. Но особенную память оставилъ по себѣ преосвящ. Ксенофонтъ торже-

¹⁾ *Кси. Надеждинъ*. Владиміръ на Князьмъ, 1875. Исторія обнимаетъ періодъ лишь съ 1750 по 1840 годъ.

342 г. ственностію богослуженія. Высокаго роста, съ длинною темно-русой бородой, въ служеніи онъ былъ величественъ. Торжественности архіерейскаго служенія много способствовали счастливый тогдашній составъ причта. Протодіаконъ Орловъ отличался превосходнымъ голосомъ, пріятной наружностью и приличной манерой; соборные діаконы Удальцовъ (впослѣдствіи протодіаконъ) и Смирновъ были также съ прекрасными голосами; въ архіерейскомъ хорѣ знаменитый басъ о. Феодора и художественный теноръ регента Дроздова, — все это въ совокупности придавало архіерейскому служенію священно-торжественный характеръ.

Со всѣми помѣщиками епархіи Преосвященный былъ очень знакомъ; особенно былъ друженъ съ помѣщикомъ села Петровскаго, за Юрьевомъ, княземъ Долгоруковымъ: но съ однофамильцемъ этого князя, Иваномъ Мих. Долгорукимъ, губернаторомъ Владимірскимъ, Ксенофонтомъ былъ не всегда въ благопріятныхъ отношеніяхъ. Вотъ что пишетъ о немъ князь Долгорукій въ своемъ сочиненіи: „Капище моего сердца“ (стр. 295): „Зашелъ ко мнѣ на балъ пьяный попъ, родня Сперанскаго. Я его посадилъ въ полицію, — что случалось и прежде довольно часто; ибо попъ былъ негодяй. Архіерей вывелъ изъ этого страшную исторію, наклепалъ на меня всякихъ небылицъ, воздвигнулъ противъ меня страшную тучу въ Питерѣ, возжегъ негодованіе Государя на меня, какъ на богохульника; словомъ, соединясь мысленно и душевно со всѣми моими врагами въ губерніи, подѣйствовалъ на всю судьбу мою, подавъ первую и сильную причину къ изгнанію меня изъ службы“¹⁾.

Возвращусь къ Мурому.

Послѣ протоіерея Троицкаго второе мѣсто въ средѣ Муромскаго духовенства занималъ настоятель Іоанно-Предтеченской церкви, протоіерей Афанасій Яковлевичъ Вино-

¹⁾ Между тѣмъ вотъ какъ характеризовать преосвящ. Ксенофонта преосвящ. Евгеній, архіеписк. Рязанскій, впослѣдствіи Ярославскій, въ письмѣ отъ 12-го марта 1832 г. къ архіеписк. Подольскому Кириллу: „Предмѣстникъ вашего высокопреосвященства (т. е. Ксенофонтъ) есть одинъ изъ наилучшихъ и опынѣйшихъ юристовъ по церковному правовѣдѣнію и, прибавлю, дальновидный и осторожный“. — Но въ слѣдующемъ за сими письмѣмъ отъ 20 іюля Евгеній, въ отвѣтъ на письмо Кирилла, пишетъ, между прочимъ: „Ужасно описаніе качествъ предмѣстника вашего“... (*Чт. вѣ. Общ. поль. дух. просв.* 1874 г., III, Матеріалы для исторіи Рус. церкви, стр. 87--88).

градовъ. Получивъ образованіе и воспитаніе въ Лаврской Троицкой семинаріи, онъ рукоположенъ былъ 7-го августа 1810 года въ священника и проходилъ за тѣмъ разныя должности. При мѣ онъ былъ благочиннымъ градскихъ церквей и членомъ духовнаго Правленія. При достаточномъ образованіи, онъ отличался благородствомъ характера и прямодушіемъ.

Между Муромскимъ духовенствомъ особенное вниманіе заслуживаетъ (по своей горькой, хоть и заслуженной судьбѣ) настоятель Казанской церкви, протоіерей Егоръ Исидорычъ Полотебновъ. Магистръ перваго курса Истербургской дух. академіи, Полотебновъ былъ сначала на службѣ въ Рязанской епархіи и имѣлъ священный санъ. Преосвященный Григорій (Постниковъ), поступивъ въ 1829-мъ году на Рязанскую епархію, приблизилъ къ себѣ Полотебнова, какъ товарища и совоспитанника по академіи; сдѣлалъ его каеедральнымъ ключаремъ и членомъ Консисторіи: но Полотебновъ не оправдалъ довѣрія архипастыря и началъ предаваться нетрезвости. Сколько ни увѣщавалъ его, сколько ни спускивалъ къ нему Владыка: пользы не было. Но вотъ Преосвященный не исполнилъ какой-то просьбы Полотебнова, несправедливой и незаконной: это возбудило въ немъ послѣднее чувство вражды и мщенія къ архипастырю. Вскорѣ представился и случай къ отмщенію. Одинъ сельскій священникъ, по суду Консисторіи, утвержденному преосвящ. Григоріемъ, подвергся законному взысканію. Полотебновъ возбудилъ этого священника протестовать противъ опредѣленія Епархіальнаго начальства и составилъ ему прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ совершенно не кстати возводилъ на архіепископа разныя клеветы.

По изслѣдованіи и разсмотрѣніи въ Св. Синодѣ протеста, онъ былъ признанъ не основательнымъ, а Полотебновъ изобличенъ былъ въ участіи въ клеветѣ на своего епархіальнаго архіерея. Въ слѣдствіе сего, онъ удаленъ былъ изъ Консисторіи съ запрещеніемъ священнослуженія. Мало того; на докладъ Св. Синода послѣдовало слѣдующее Высочайшее повелѣніе: „Ключари перемѣстить во Владимірскую епархію и дать тамъ мѣсто, по распоряженію мѣстнаго Преосвященнаго, въ уѣздномъ городѣ, ежели есть мѣсто, а ежели

1812 г. нѣтъ, то въ сельѣ, и тогда разрѣшить (?) ему священнослуженіе“ ¹⁾).

На первый разъ священникъ Полотебновъ опредѣленъ былъ преосвященнымъ Пароеніемъ къ церкви села Казакова, Муромскаго уѣзда, а затѣмъ переведенъ былъ къ Казанской церкви г. Мурома; но когда онъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея, мнѣ съ точностію неизвѣстно.

Протоіерей Полотебновъ былъ высокаго роста, съ рѣзкими суровыми чертами лица, съ короткими сѣдыми волосами на головѣ и съ короткою же, но окладистою бородою. Отличался проповѣдничествомъ, но не чуждъ былъ при этомъ тщеславія. Тщательно составивши проповѣдь на Великій пятокъ, онъ повторялъ ее почти каждый годъ и къ слушанію ея приглашалъ особыми билетами высшую городскую публику.

Скажу за тѣмъ нѣсколько словъ о родствѣ моей тещи, Прасковьи Степановны Царевской, сосредоточенномъ преимущественно въ Муромѣ. У ней были здѣсь два брата и двѣ сестры.

Одинъ изъ братьевъ, Василій Степановичъ Харизоменовъ былъ, какъ выше уже замѣчено, священникомъ при томъ-же соборѣ, къ которому и я опредѣленъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ втораго класса приходскаго училища. Онъ женатъ былъ на дочери священника того-же собора о. Пароенія Тумскаго, Аннѣ Пароенъевнѣ, съ опредѣленіемъ во священника на мѣсто тестя.

Другой братъ Александръ Степановичъ Харизоменовъ, получилъ не полное образованіе въ Московскомъ университетѣ, подвергся разстройству умственныхъ способностей и велъ скигальческую жизнь.

Старшая сестра Прасковьи Степановны, Надежда Степановна была въ замужествѣ за священникомъ Егоромъ Оеодоровичемъ Аменицкимъ, который сначала былъ инспекторомъ Владимірскихъ училищъ, а потомъ смотрителемъ Муромскихъ и здѣсь въ 1830-мъ году скончался отъ холеры, оставивъ послѣ себя троихъ сыновей и четырехъ дочерей.

¹⁾ Архіепископъ Евгеній Казанцевъ. Біографич. очеркъ, составл. протоіер. *И. Влаловъиенскимъ*, М. 1875 г. стр. 2—4.

Младшая сестра Екатерина Степановна была за мужем за полковымъ священникомъ Василиемъ Никитичемъ Вознесенскимъ. Овдовѣвши, она возвратилась въ Муромъ съ двумя малолѣтними сыновьямъ—Викторомъ и Павломъ. 1842 г

Сверхъ сего, у моей тещи было въ Муромѣ три или четыре дома родственныхъ между дворянами.

Училищный кругъ, въ который я вступилъ по званію учителя, составляли слѣдующія лица.

Смотритель училища іеромонахъ Пифонтъ (въ мірѣ Никита Даниловичъ Успенскій). По окончаніи курса въ семинаріи въ 1832-мъ году, съ званіемъ студента, онъ проходилъ должности лектора еврейскаго и греческаго языковъ, учителя въ училищахъ—Владимірскомъ, Переяславскомъ и Муромскомъ. Въ 1836-мъ году принялъ монашество; въ 1842-мъ году былъ опредѣленъ въ должность смотрителя Муромскаго училища, а въ 1844-мъ году былъ назначенъ настоятелемъ Муромскаго Благовѣщенскаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ игумена. Велъ жизнь трезвую и былъ очень дѣятеленъ; лишенный одного глаза, онъ былъ очень дальноворокъ. Былъ крайне гостепріименъ, и самъ любилъ не рѣдко выѣзжать въ гости.

Инспекторъ училища и учитель латинскаго языка въ высшемъ отдѣленіи, священникъ Иванъ Фодот. Грандицкій. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и настоятелемъ градской Христорождественской церкви. Человѣкъ даровитый и отличный знатокъ латинскаго языка и другихъ преподаваемыхъ имъ предметовъ; строгихъ нравственныхъ правилъ; при характерѣ, не отличавшемся мягкостію и снисходительностію, онъ, какъ инспекторъ, въ страхѣ держалъ училище.

Учитель греческаго языка и сесиненныхъ съ нимъ предметовъ въ томъ же высшемъ отдѣленіи, священникъ Василій Никол. Спекторскій. Онъ такъ же, какъ и Грандицкій, былъ приходскимъ священникомъ при Космо-Даміановской церкви. Не знаю, въ какой мѣрѣ онъ свѣдующъ былъ въ преподаваемыхъ имъ предметахъ, но въ исполненіи своей обязанности не всегда былъ исправенъ.

Учитель латинскаго языка и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ въ первомъ низшемъ отдѣленіи, священникъ Троицкой, при дѣвничьемъ монастырѣ, церкви Магдѣи Ив. Шеметовъ. Отличался крайнею добросовѣстностію въ исполненіи

1842 г. своихъ обязанностей и необыкновенною кротостію характера. Съ нимъ я былъ въ самыхъ добрыхъ, искреннихъ отношеніяхъ, хотя онъ былъ много меня старше.

Учитель греческаго языка и другихъ предметовъ въ томъ же отдѣленіи, студентъ семинаріи Гавр. Вас. Ястребовъ. По окончаніи курса въ 1836 году пытался поступить въ Московскую дух. академію волонтеромъ, но не былъ принять. Съ живыми способностями и съ горячимъ, но непостояннымъ, характеромъ: мечталъ о монашествѣ, но женился на дочери помянутой вдовы Аменицкой и впоследствии принялъ священническій санъ. Послѣ протоіерей.

Учитель латинскаго языка во 2-мъ низшемъ отдѣленіи, студентъ Иванъ Гаврил. Покровский — наставникъ солидный и характера молчаливаго.

Учитель греческаго языка и пр., кандидатъ Петербургской дух. академіи Иванъ Гавр. Бѣляевъ. Не отличался предъ прочими наставниками никакими особенными достоинствами.

Учитель втораго класса приходскаго училища, помянутый выше соборный священникъ Василій Степановичъ Харизомовъ, отличавшійся добрымъ и кроткимъ характеромъ.

Слѣдуетъ теперь сказать о моей общественной дѣятельности и семейной жизни.

При соборѣ по штату положено: протоіерей и два священника, діакопъ и два псаломщика.

Протоіерей, по заведенному имъ порядку, чреды не исправлялъ, хотя получалъ жалованья и доходовъ въ полтора раза больше противъ священниковъ. Такимъ образомъ, мы съ о. Харизомовымъ поочередно совершали въ соборѣ ежедневное богослуженіе. Въ воскресные и праздничные дни всенощная — лѣтомъ обыкновенно совершалась съ вечера, а зимою утромъ въ 4 часа. Въ будніе дни утренняя — зимою начиналась въ четыре часа, а лѣтомъ въ три часа по полночи. Литургія ранняя (только по праздникамъ) въ 6 часовъ утра, а поздняя всегда въ 8 часовъ. Между утреней и литургіей не рѣдко случалось ходитъ по домамъ для молебствій съ чудотворною иконою нерукотвореннаго образа Спасова, а послѣ литургіи почти ежедневно совершались молебны для проходящихъ изъ разныхъ мѣстъ богомольцевъ предъ мощами почивающихъ въ соборѣ чудотворцевъ Петра и Февроніи. Изъ это было главный источникъ содержанія для соборнаго причта,

такъ какъ соборъ былъ безприходный. Вотъ сколько я могъ 1842 г. получать отъ собора въ годъ: 40 рублей ассигнаціями (11 рублей 43 коп. серебромъ) штатнаго жалованья и до 200 рублей серебромъ изъ братской кружки. Правда, у меня была небольшая паства, состоявшая изъ трехъ неполныхъ дворовъ, которую я наслѣдовалъ отъ своего тестя, Василія Васильевича Царовскаго, который пользовался въ городѣ общимъ уваженіемъ. Паству эту составляли: городничій Козьма Семенычъ Маковъ съ женою старушкой, — окружный начальникъ Николай Егорычъ (фамиліи не помню), женатый на лютеранкѣ и жена лѣсничаго — нѣмца. Но эта малая паства на первыхъ же порахъ послужила поводомъ къ взаимнымъ непріятнымъ отношеніямъ между мною и старшимъ священникомъ Харизоменовымъ. Жена послѣдняго вознегодовала, почему такія почтныя особы пожелали имѣть своимъ духовникомъ меня — пришельца, а не ся мужа — Муромскаго старожилу.

Что касается до отношеній моихъ къ настоятелю собора, протоіерею М. Г. Троицкому, то они были самыя добрыя и мирныя. Онъ, предупрежденный на счетъ меня добрымъ отзывомъ зятя своего, учителя Владимірскаго училища П. Г. Соколова, съ первой встрѣчи полюбилъ меня какъ сына, а я, въ свою очередь, платилъ ему искреннимъ почтеніемъ и послушаніемъ. Я не помню случая, когда бы я не исполнилъ какого-либо приказанія или порученія его.

Кромѣ совершенія церковныхъ службъ, я не имѣлъ возможности часто заниматься проповѣданіемъ слова Божія, какъ потому, что занять былъ училищною службой, такъ и потому, что въ соборѣ обязаны были говорить поочередно проповѣди все городскіе и сельскіе окрестные священники. Миѣ приходилось сказать въ годъ не болѣе двухъ или трехъ проповѣдей; развѣ бывало иногда поручить еще протоіерей, какъ цензоръ проповѣдей, написать проповѣдь за какого-нибудь сельскаго священника, который не можетъ по какимъ-либо обстоятельствамъ явиться въ городъ для произнесенія поученія.

Училищная служба требовала отъ меня ежедневныхъ трудовъ. Пока я былъ учителемъ перваго приходскаго класса, я долженъ былъ каждый день заниматься утромъ три часа и послѣ обѣда два. Мальчиковъ привозили въ первый классъ

1842 г. иногда безъ всякой почти подготовки, а ихъ было отъ 30 до 40 человѣкъ. Я долженъ былъ съ нѣкоторыми начинать почти съ азбуки; о чистописаніи уже говорить нечего. Когда, бывало, прихожу въ классъ и заставляю учениковъ писать, они одинъ за другимъ подходятъ ко мнѣ съ перьями и съ дѣтскою наивностію говорятъ: „дядюшка, очини мнѣ перышко“. — И грѣхъ и смѣхъ. — Но какое за тѣмъ утѣшеніе видѣть этихъ наивныхъ дѣтей природы постепенно развивающимися и успѣвающими въ наукахъ, видѣть въ ихъ взорахъ оживленность и бодрость!

Независимо отъ училищныхъ занятій, я имѣлъ нѣсколько частныхъ уроковъ. Это служило нѣкоторымъ подспорьемъ къ моимъ ограниченнымъ средствамъ, доставляемымъ службою. Какое же, однако, получалъ я вознагражденіе за эти труды? — 20 копѣекъ серебромъ за полутора-часовой урокъ!... Разъ только какой-то заѣзжіи подполковникъ, пригласивъ меня заниматься съ его сыномъ, назначилъ мнѣ за урокъ по 75 копѣекъ: но когда узналъ, что другіе платятъ гораздо меньше, предложилъ мнѣ 50 копѣекъ. Я, разумѣется, охотно согласился и на эту цѣну. Но эти уроки, не помню, почему-то скоро прекратились.

Все, свободное отъ служебныхъ занятій, время, хотя его было очень не много, — я посвящалъ чтенію книгъ. При соборѣ была очень порядочная библиотека, состоявшая преимущественно изъ свято-отеческихъ твореній въ славянскомъ переводѣ. Изъ ней я прочиталъ босѣды Златоуста о покаяніи; нашель, впрочемъ, въ ней первое изданіе проповѣдей знаменитаго проповѣдника Филарета, 1820 года, когда онъ былъ еще архіепископомъ Ярославскимъ. Эта книга почти не выходила изъ моихъ рукъ. Съ 1843 года начали издавать при Московской дух. академіи журналъ: „Творенія св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ“. Напечатаны были, какъ извѣстно, прежде всего творенія св. Григорія Богослова: ихъ я прочиталъ отъ начала до конца. Одна духовная дочь моя, именно супруга городничаго, преемника Макова, М. М. Пасенко привезла мнѣ изъ Москвы въ даръ три тома сочиненій извѣстнаго витія, архіепископа Пипокентія, изданные въ 1843 году Погодинымъ. Эти ораторскія произведенія были изучены мною почти наизусть. Съ свѣтскою литературой я меньше имѣлъ возможности знакомиться.

Помню только, что я, познакомившись съ штатнымъ смотрителемъ Муромскаго уѣзднаго училища, *О. Я. Яковлевымъ*, бралъ у него изъ училищной библіотеки *Описаніе отечественной войны 1812 и слѣдующихъ годовъ, Михайловскаго-Данилевскаго*, и съ увлеченіемъ читалъ оное, сдѣлавши изъ него нѣсколько листовъ выписокъ, которые и доселѣ цѣлы у меня. Я не читалъ газетъ, но меня убѣдилъ читать ихъ учитель уѣзднаго училища *Иванъ Тихоновичъ Остроумовъ*, выпущенный изъ Петербургской дух. академіи въ 1831 году за какія-то непристойныя выходки, съ званіемъ студента, хотя по своимъ дарованіямъ онъ могъ быть въ числѣ первыхъ магистровъ. *О. протоіерей Троенольскій*, любя самъ читать медицинскія книги, далъ мнѣ изъ своей библіотеки и рекомендовалъ прочитать сочиненіе *Гуфеланда*: „Искусство продлить человѣческую жизнь (Макровіютика)“.

Въ Муромѣ я началъ заводить свою собственную библіотеку. Впрочемъ основаніе ея было положено еще въ семинаріи. Кромѣ тѣхъ книгъ, которыя я ежегодно получалъ въ награду за успѣхи въ наукахъ, я пріобрѣлъ тамъ на свои скудныя средства славянскую Библію съ параллельными мѣстами, въ четырехъ томахъ. Въ Муромѣ же куплены были мною слѣдующія сочиненія: 1) *Правила высшаго краснорѣчія*, соч. *М. Сперанскаго*, Спб. 1844 года; 2) *О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія*, архимандр. *Евсевія*, М. 1844 года; 3) *Письма о должностяхъ свящ. сана*, *А. Стурдзы*, Одесса, 1844 года и др.

Семейная жизнь моя, въ продолженіи трехъ лѣтъ, шла мирно и благополучно. Не смотря на многочисленное семейство моей тещи, съ которой я жилъ въ одномъ домѣ, между нами не было разлада. Столъ у насъ былъ общій. При большомъ родствѣ въ городѣ, не рѣдко были у насъ взаимныя посѣщенія, но угощеніе было самое скромное и простое; не обходилось, конечно, при этомъ безъ забавъ и увеселеній: одни играли въ карты, другіе въ шашки, а иные вели только пріятныя дружественныя бесѣды.

Не прекращались у меня письменныя сношенія и съ моими кровными родственниками и друзьями.

Такъ, мнѣ писалъ отъ 18-го марта 1842-го года мой неизмѣнный другъ, *Абакумовскій священникъ М. Д. Граменицкій*:

1842 г.

„Приснопамятный другъ!
Честнѣйшій во іереехъ Ивацъ Михайловичъ
Священствуйте!

Да, честь имѣю поздравить васъ, милый другъ, съ законнымъ бракомъ, желаю вамъ счастья, любви и постоянного согласія, за сичъ поздравляю васъ съ благодатію священства, отъ души желаю ходити вамъ достойно вашего высокаго званія и быстро тещи на пути благовѣствованія Христова, наконецъ, съ успѣхомъ желаю вамъ бросать первоначальныя сѣмена ученія на юной почвѣ изъ подъ надзора родителей непосредственно---перешедшихъ и имѣющихъ впредь переходить къ вамъ юношей,—за все сіи подвиги, совершенныя вами усильно (чего отъ чистаго сердца желаю), да будетъ вамъ мзда многа на небеси!

Итакъ, другъ, наши мечты о свиданіи исчезли по пусту! Болѣе уже нѣтъ надежды по прежнему — дружески, откровенно передать взаимно звуки сердца лично? А какъ хотѣлось то! Не повѣрите, я не дождавшись вѣсти когда вы будете посвящаться, по умозаключенію застать васъ во Владимірѣ и проститься, можетъ быть, на всегда, поѣхаль къ пятницѣ — къ 6-му числу феврала, и къ несчастію услышалъ, что вы за недѣлю прежде уже отиравились къ должности. Какъ шальной цѣлыя сутки таскался по Владиміру, — видѣлъ нѣкоторыхъ изъ друзей, но все-таки не могъ забыть о васъ, тѣмъ болѣе сожалѣлъ, что прежде—знакомый мнѣ Муромъ отъ Линии отстоитъ слишкомъ на полтораста верствъ, слѣдовательно Ивана Михайловича я уже не увижу и въ подзорную трубу! На канунѣ Арх. имяннѣ ¹⁾ стоялъ всенощную въ домовоіи церкви; въ субботу утромъ съ постылымъ сердцемъ, съ холодной душою отиравился съ своимъ подружіемъ обратно во свояси. Нѣсколько понегодовавъ на васъ, что не подорожили свиданіемъ пелищемѣрно расположеннаго въ вамъ *brgcollegae* — не написали писуелчки о времени прибытія вашего во Владиміръ, о чемъ прежде я васъ просилъ. А болѣе винилъ и виню себя, что въ полгодичное время не могъ побывать я во Владимірѣ или васъ попросить къ себѣ. Не зналъ, другъ, такого крутаго пере-

1) Имянины преосв. Паренія были 7 феврала.